

ТИПОЛОГИЧЕСКИ УНИКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А.И.Кузнецова

МГУ

kuzn@kuznec.mccme.ru

leon@philol.msu.ru

Макросемья языков Евразии – уральские языки, включающие в свой состав языки финно-угорской и самодийской семей, – в типологическом отношении известна своей необычайной неоднородностью. Причина большого типологического разнообразия уральских языков на всех уровнях объясняется разрозненностью уральских народов и множеством контактов почти каждого из этих языков с языками других семей. В состав уральской семьи входят прибалтийско-финская, саамская, волжская, пермская, угорская группы (с выделяемой внутри последней обско-угорской подгруппой), а также языки северной и южной ветви самодийских языков. В области грамматики едва ли не единственные черты, объединяющие абсолютно все уральские языки, в большей или меньшей степени агглютинативные, это – отсутствие в них грамматического рода и наличие послелогов. Среди остальных типологически сходных явлений одни одинаковые черты характерны для *большинства* языков, входящих в *разные* группы, другие – лишь для *нескольких* языков в пределах только *одной-двух* групп. Так, предлоги (наряду с послелогоми) встречаются в прибалтийско-финских и саамских языках (аналогичная ситуация наблюдается в языках и других семей: в литературном осетинском языке, относящемся к иранским, также употребляются и предлоги, и послелог); категория предикативности у имени существует в самодийских и мордовских языках (ср. также тюркские языки). Некоторые существенные черты языковых структур (например, посессивность), когда-то, видимо, общие для всех уральских языков, в последнее время в группе прибалтийско-финских языков или сузили сферу своего употребления, как это случилось с лично-притяжательными суффиксами в вепском и ижорском языках, или сохранились в виде рудиментов в наречиях, как в водском и ливском языках.

Типологически близкие черты, не являясь общими для всех уральских языков, иногда даже отсутствуя в целых группах, тем не менее составляют некий определенный набор признаков, отличающий в какой-то мере уральские языки (как языки, в основе своей агглютинативные) от других языков, обладающих иной совокупностью характерных черт (например, от флективных – с преобладанием в них фузии как техники сцепления морфем – индоевропейских): во флективных индоевропейских языках нет субъектного и объектного спряжения и лично-притяжательного типа склонения, свойственных большей части агглютинативных уральских языков, зато есть, хотя и далеко не во всех языках, категория рода, совсем не встречающаяся в уральских языках.

Лингвисты давно отказались от мысли помещать языки в прокрустово ложе одного определенного морфологического типа, как это делалось в XIX в., и постепенно занялись структурным сравнением языков вне зависимости от их родственных связей. Начались поиски универсалий, установление типологических соответствий в языках мира, независимо от генетической и морфолого-типологической классификаций. Обнаружение типологических изоглосс на любом языковом уровне – дело сложное и кропотливое, но этот процесс (нахождение типологически сходных черт в языках мира) ничуть не труднее, чем поиски специфических черт в разных языках одной языковой семьи. В уральской семье уникальные приметы того или иного языка, не встречающиеся ни в одном другом языке уральской семьи, – раритеты. Невольно напрашивается вопрос: могут ли такие специфические (типологически уникальные) черты быть найдены в других языках мира, иными словами, может ли быть

обнаружена типологическая близость по этой (казалось бы, единственной в своем роде) черте с каким-то другим (не уральским) языком? Нередко феномен, кажущийся удивительным для языков одной семьи, является нормой для языков другой семьи. Это можно продемонстрировать, обратившись к вопросам, связанным с ударением в уральских языках.

В различных финно-угорских языках, имеющих динамическое или долготно-динамическое (мокшанский, марийский), а также долготно-тональное ударение (эстонский, ливский), наблюдается общая тенденция к постановке ударения на первом слоге. При этом в основной массе прибалтийско-финских и саамских языков различается главное и второстепенное ударение. Главное всегда падает на первый слог, второстепенное – на нечетные, за исключением последнего, являющегося всегда безударным (аналогичный характер ударения отмечается в мансийском языке). В саамских языках связанность ударения создает особую структуру слова, при которой долгота согласных в слове связана с долготой гласных. Несмотря на наличие в уральских языках тенденции ставить ударение на первый слог, несколько языков не подчиняются этой закономерности и сближаются по признаку места ударения с языками других семей: фиксированное словесное ударение в удмуртском языке (исключения очень редки), приходится на последний слог (ср. французский язык); в горно-марийском ударение падает на второй от конца слог, как в польском; основное ударение в самодийском нганасанском языке приходится тоже обычно на предпоследний слог, но слово при этом имеет особую ритмическую организацию [Хелимский 1994, с.194]. Разноместное нефиксированное и смыслоразличительное ударение, подобно русскому языку, существует в пермяцком, марийском, ненецком, селькупском языках. Помимо названных отклонений в постановке ударения в уральских языках на тот или иной слог в слове, можно указать на акцентуационные особенности другого рода.

На фоне всех уральских языков, имеющих словесное ударение (в одних фиксированное, в других нефиксированное), выделяется один из мордовских языков, а именно – эрзянский (в отличие от мокшанского), в котором существует не словесное ударение, а ударение, обусловленное речевым тактом. Впервые на это явление обратил внимание в конце XIX – начале XX вв. финский исследователь Х.Паасонен, живший среди мордвы в течение нескольких лет и писавший, что вопрос об ударении у мордвы – загадка. Вне контекста любое эрзянское слово не имеет фиксированного ударения, иными словами, ударение может ставиться на любой слог, в результате чего в многосложных словах наблюдается по несколько равно приемлемых вариантов ударных слогов в одном и том же слове: *'кунсоломс, кун'соломс, кунсо'ломс* «слушать(ся)»; *'кундасамак, кун'дасамак, кунда'самак, кундаса'мак* «(ты меня) поймашь» (глагол *кундамс* стоит в форме объектного спряжения в индикативе настоящего будущего времени, передавая 1 л. един. числа объекта и 2 л. един. числа субъекта). Фонематическим коррелятом словесного ударения, как правило, выступает длительность, однако в эрзянском языке, как показали экспериментальные данные, длительность безударного гласного может быть равной длительности ударного гласного, а иногда даже больше ее [Поляков 1997, с.7]. Произносить слово с ударениями на любом слоге в некоторых словах разрешается и в русском языке, как в исконных, так и в заимствованных словах: *'творог* и *тво'рог*, *'прожитый* и *про'житый*, *кули'нария* и *кулина'рия* и др., но природа подобных колебаний в этих случаях иная, чем в эрзянском, и во многих русских словах колебания такого рода считаются отклонениями от литературной нормы. Точно так же встречаются в обоих языках энклитики и проклитики, хотя причина их появления тоже разная. А.А.Шахматов указывал, не пытаясь объяснять данный факт, что в связной речи в эрзянском языке некоторые слова вовсе не имеют ударения. По его подсчетам, без ударения ему встретилось слово *молян* (форма глагола 1 л. един. числа настоящего времени от *молемс* «идти, двигаться; продолжаться; следовать; походить на кого-что-либо») 659 раз, *ошосто* (диалектная или фольклорная форма Элатива един. числа от существительного *ош* «город») и *ки* (А.А.Шахматов не различает омонимы «дорога», «моль» и «кто», совпадающие в некоторых диалектах еще и с частицей *ки / ги*) – по 658 раз и т.п.

В статье «Об ударении в эрзя-мордовском языке» А.Рябов [Рябов 1932, с.144-150] говорил, что секрет эрзянского ударения надо искать в синтаксически оформленном отрезке речи, в котором к одному ударному слогу примыкают один или два безударных слога. По мнению А.Рябова, в эрзянском языке существует модель тактового ударения, объединяющего группу

Цярахман
Верьдине верьде,
Прок суре вельде,
Чуро пиземе,
Покшке петнякске
Пургси модантень
Мастор чамантень
Пелесь ашо сы,
Увнозь шалнозь сы...

Град
Сверху, сверху,
Как по нитке,
Редкий дождик
Большая капля
Льется на землю,
На лицо земли
Туча белая надвигается,
С шумом, громом идет

Если в стихотворении не двусложные, а многосложные слова, то легко формируется и дактиль, и анапест, и амфибрахий, как в следующих строках из стихотворения Ф.Чеснокова «Сёксь» («Осень»), что невозможно передать в русском переводе:

Сёксь
Таймаксадсть вирьнетне,
Урускадсть паксятне,
Сырнесэ сыреждить
Певерезь лопатне.

Осень
Приуныли леса,
Осиротели поля,
Золотом золотятся
Опавшие листья.

Ср. аналогичные строчки из стихотворения И.Кривошеева: *Аишине цецине, ливтнека, кавишана пухкесэ моданть тон ацнека* «Беленький цветочек, лети сверху, мягким пушком стелись по земле».

Лингвисты неоднократно задавались вопросом, какого типа ударение (мокшанского или эрзянского) было в прамордовском языке. Д.В.Бубрих, как и Х.Паасонен, считал, что мокшанского, но при огласовке гласных непервых слогов – эрзянского типа (см. об этом [Феоктистов 1993, с.181, 192]). Высказывалось также предположение, что мокшанский язык перенял особенности тюркского фиксированного ударения, испытывая сильное тюркоязычное влияние, в то время как в эрзянском этого не произошло благодаря большому притоку русских слов с разноместным ударением, сдерживавшему подобное изменение. Из этого следует вывод, которого сейчас придерживается Г.И.Ермушкин [Ермушкин 1997, с.39-40], что прамордовская акцентологическая система имела нефиксированный тип ударения. Независимо от этих споров и их разрешения эрзянская акцентуация, обусловленная речевым тактом, ритмически организованная, в современной уралистике с типологической точки зрения – явление уникальное. Подобный тип ударения можно считать единственным в своем роде, по крайней мере, до тех пор, пока не будет обнаружена сходная черта в каком-либо другом языке (ритмическая организация слов в гнанасанском [Хелимский 1994, с.194-195], имеет, судя по всему, иную природу). Наличие в эрзянском описанного типа ударения позволило в свое время высказать А.Рябову предположение, что эволюция в языке в данной области идет от ритмичности ударения к его более поздней фиксации в слове, а промежуточной стадией является потеря ударения на конце трехсложных и многосложных слов [Рябов 1932, с.150]. Загадка продолжает тревожить мордовистов до сих пор.

В эрзя-мордовском и в мокша-мордовском обращает на себя внимание еще одна черта, частично характеризующая и другие финно-угорские и самодийские языки. Речь идет о возможности скопления в начале и конце слов нескольких согласных как в диалектах, так и в литературном языке. Начальное стечение согласных в небольшой группе говоров северо-западных диалектов эрзянского языка, описанных Г.И.Ермушкиным [Ермушкин 1997, с.12], стало возможным в результате выпадения прамордовского гласного в первом слове слова: *килямке* «мыть» < *kišl'amks (литературное «илямс»), *китере* «веретено» < *kišcer'e (лит. *итере*), *китяпо* «голый» < *kiščapo (лит. *итяпо*), *китерялк* «пряслище» < *kiščtralks (лит. *итерялк*). В литературном языке начальное *к* отпало. Иногда, наоборот, именно в литературном языке группа согласных сохраняется, как, например, в словах *кнав* «горох», *кстый* «земляника», *кина* «ремень», *кинат* «корь», *кини* «железо», *пскиземс* «страдать поносом», *псака левкс* «котенок», *пстидемс* «лягнуть». В говорах и в разговорной речи последнее слово испытывает упрощение, происходящее двумя путями: либо вставкой гласного,

либо утратой согласного – *стидемс* или *пистедемс* (как видно из приведенных примеров, на конце слов также возможны скопления согласных). В других уральских языках начальные группы согласных если встречаются, то, как правило, в заимствованиях или в звукоподражательных словах. В конце слов сочетания согласных (обычно не более двух) допускаются во многих языках, но они имеют значительные дистрибутивные ограничения (чаще всего это сочетания шумных с сонорными, реже – фрикативный + взрывной) в отличие от эрзянских групп согласных, более разнообразных в количественном и качественном отношениях.

В эрзянском слове возможны стечения согласных, «запрещенные» фонетическими системами других уральских языков, не только в позиции начала и конца слова, но и в середине: *псилгадокиномс* «потеть; нагреваться», *ванстнемс* «оберегать; выслеживать», *лопаветница* «прачка», *эйкакшке* «дитяtko». В мокшанском языке также встречаются необычные с точки зрения других уральских языков громоздкие сочетания согласных (иногда из 5-6 компонентов): *пси* «горячий», *панчфкя* «цветочек», *панчфста тиф* «цветочный, сделанный из цветов», *фкя кафста* «одно из двух», *лисьфт* «всходы», *синтьф* «сломанный», *шаифневи* «откидной» и др. Исторически это можно объяснить выпадением гласных в неударных слогах. Удивление вызывает не сам факт возникновения подобных сочетаний, а их сохранность в мордовских языках в отличие от большинства других финно-угорских языков, в которых происходило упрощение групп согласных и где ничего подобного группам согласных эрзянского и мокшанского языков нет.

Типологически уникальные черты, подобные перечисленным и имеющиеся не только в области фонетики, но и грамматики, представляют собой, видимо, реликты исчезнувших из языка явлений, поиски и попытки интерпретации которых могут способствовать созданию исторической типологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Ермушкин Г.И. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка. - М., 1997.
Поляков О.Е. Фонетические системы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в синхроническом и диахроническом аспектах. - Санкт-Петербург, 1997.
Рябов А. Об ударении в эрзя-мордовском языке // Революция и письменность. 1932, с.144-150.
Феоктистов А.П. Мордовские языки. Эрзянский язык. Мокшанский язык // Языки мира. Уральские языки. - М.Ю 1993. С.174-208.
Хелимский Е.А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Под ред. Е.А.Хелимского. Вып.1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. - М., 1994, с.190-221.

Typological relics in Uralic languages

Ariadna I. Kuznecova.

The unique features of the accentuation and consonant clusters in Erzya-Mordvinian which are typological relics in Uralic languages are considered. Keywords: Typology. Ural-Altai. Finnic-Ugric. Accent.